

ДЕКОРАТИВНЫЕ ЩИТЫ НА ФРОНТОНАХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ ПРИБУЖЬЯ (20-60-е гг. XX в.)

Архитектурный декор традиционных деревянных домов Прибужья отличался лаконичностью и простотой форм. Резьба в в Брестском, Кобринском и Малоритском районах практически не встречалась [5, с. 67]. Несмотря на это, в середине XX века здесь появились оригинальные образцы художественной шалёвки фронтонов. «Новые жилые дома в ранее не встречавшихся масштабах украшались мастерски вырезанными из деревянных досок причелинами, углами, наличниками» [1, с. 117]. Это явление настолько широко распространилось, что послевоенные авторы даже стали называть его «традиционным видом декора белорусской архитектуры именно нашего времени» [5, с. 68]. Композиции из шалёвки имели свои локальные варианты. Например, типичные для бассейна Припяти солярные мотивы [5, с. 69] в бассейне Буга встречались значительно реже. В то же время здесь были особенности, которые отсутствовали на Пинщине.

Во время реализации польско-белорусского проекта «Пуца без границ» (2002 г.) команда исследователей обратила свое внимание на единственный на территории Брестской области охраняемый государством с советских времен сельский дом – курную хату в д. Рожковка Каменецкого района. Кроме него, в поле зрения Галины Лапинской [3, с. 111] и Николая Власюка [6, с. 10-11] попали высокохудожественно оформленные щиты прилегающих домов: «Представляет интерес, с точки зрения декора, деревянная резьба щитов и наличников хат в д. Рожковка» [6, с. 7]. Оригинальное декоративное решение убранства фронтонов решено было использовать для оформления обложки сборника материалов, посвященного культурному наследию региона Беловежской Пуци. За десять лет до этого, архитектор Владимир Трацевский избрал подобный фронтон из д. Жиличи Каменецкого района для обложки монографии [11].

Одна из наиболее выразительных черт щитов рожковско-жиличского типа – оригинальное набивание досок в верхней трети щита, создающее с причелинами, полотенцами и оставшейся частью щита многоярусную композицию. Белостокский исследователь Ярослав Шевчик называет их «фронтонами с навешенными вальмовыми щитами» [4, с. 245]. Сотрудник Белостокского музея деревни Артур Гавл обратил на них внимание когда определял черты выделяющие беловежский регион на фоне остальных: «К таким отличительным чертам можно отнести характерное украшение щита – вырезанных в виде треугольника или двух треугольников с зубчатым краем» [1, с. 118]. В.Трацевский, изучивший фронтоны в Каменецком (Жиличи, Береза) и Брестском (Медно) районах [11, 135-136], назвал данный декоративный элемент «вторым рядом причелин»: «Своеобразно решается венчающая часть фронтона в Брестской области. Кроме ступенчатой зашивки, устраивается второй ряд причелин, расположенных в несколько глубже наружных, составляющих $\frac{1}{4}$, $\frac{2}{3}$ длинны ската. ... В сочетании с богато оформленным основанием фронтона образуется своеобразная и интересная композиция» [11, с. 133; 11, с. 136]. Одними из первых художественную ценность прибужских фронтонов отметили Ю.Лашук и Е.Сахута: «Несколько иной характер декора фронтонов на крайнем западе Брестского Полесья (Каменецкий р-н). ... Плоскость фронтона разделяется на отдельные участки выпиленными по краю накладками, а пространство под коньком украшено вынесенным вперед декоративным фронтончиком с ломаным или плавным контуром свеса. ... Стилистически такой декор тяготеет к северо-западным территориям Белоруссии и соседним регионам Польши, хотя наиболее яркие его проявления отмечены именно на Белорусском Полесье» [9, с. 287-288]. Простыми средствами выразительности плотникам удалось создать оригинальную декоративную композицию. Декоративный щит остается основным декоративным элементом фронтона даже тогда, когда он имеет упрощенный вид вертикально набитого ряда досок. Значение этого элемента еще и в том, что декор ставней, наличников, шалевки углов на Брестчине довольно скромный, в междуречье Буга и Нарвы «наиболее украшенной частью дома являются щиты» [1, с. 119].

Фронтоны с декоративными щитами в 2005-2013 годах изучены автором в деревнях Брестского (Рогозно), Жабинковского (Рудка, Хмелево), Каменецкого (Ходосы, Городище, Белево, Турна, Олешковичи) и Малоритского (Богуславка) районов. Ими украшены часть домов на Киевском предместье г. Бреста, а также в деревнях Пугачево и Дубровка, включенных в состав города в 1979 году. Вопреки административно-политическим границам, художественная шалевка на домах близлежащих поватов Подляского воеводства (Черемха, Вилюки, Войновка, Долгий Брод, Чижы) полностью соответствует убранству домов Брестчины. Декоративные щиты встречаются как к югу, так и к северу от Бреста большею выразительностью, разнообразием и числом отличаются щиты в районе Беловежской пуци. В связи с этим уместно говорить о них как о прибужском или беловежском декоративном стиле в деревянной архитектуре.

Самые простые разновидности беловежских фронтонов выглядят как ступенчатая зашивка щита, верхняя треть которого еле заметно выдвинута вперед. В одном из вариантов (фот. 2) декоративный щиток имеет вид простого треугольника. Когда доска набивается под углом, нижний край ряда досок приобретает зубчатый вид. Ко второму типу относится ряд вертикально набитых досок, на нижнем крае каждой из которых выпилено по два зубца. На следующей разновидности помимо зубцов высверлены отверстия (фот. 2). Отверстия могут быть проделаны как в самих досках, так и в украшенных зубцами рейках, которые прибивались к ровному краю декоративного щита (фот. 6). Комбинация обеих техник приводит к появлению ажурного края зубцов (фот. 5). Кроме мелких зубчиков, плотники создавали композиции от двух до пяти крупных зубцов из нескольких рядов шалёвок (фот. 1). К промежуточным вариантам следует отнести щиты с одним-двумя зеркально вырезанными зубцами. Увеличение размера такого зубца приводит к разделению подвесного щита на две параллельные причелинам части (рис. 2). Помимо зубчатого края используются округлые и плавные линии. В частности, край доски обрезается в виде четверти круга (д. Хме-

лево). Волнистым делали также продольный край крайних досок. В результате появлялся рисунок перевернутых языков пламени (фот. 4). В отдельных случаях (д. Рожковка) создавались сочетания выпуклых полукругов и зубцов. В зубчатом ряду над окном мог быть вырезан полукруг (д. Пугачево). Полукруг, напоминающий часть солнечного диска, вырезали также на ровном крае щита (д. Турна). На одном из щитов набито изображение восходящего солнца (фот. 8). На другом фасаде – тоже изображение в уменьшенном виде, над ним в двойном щите выпилен полукруг. Солярная символика представлена единичными примерами. В одном случае (д. Белево) на месте солнца был высверлен крест. Преимущественно, деревянные кресты прибиваются поверх декоративного щита. Дважды встречалось изображение креста ниже декоративного щита, в виде высверленного контура (фот. 5) и прибитой деревянной фигуры. В деревнях Подляского воеводства изображение креста на декоративных щитах не встречено. Редко, в сравнении с мазовецкими Курпями, встречаются ромбические композиции. В Каменецком районе (д. Жиличи) встречаются щиты с несколькими ярусами шалевки, в которых сочетается зубчатые и волнообразные формы.

Окно на фронтонах беловежского типа не является обязательным элементом, но может обогащать композицию. Нависающий над окнами декоративный щит с зубчатым краем придавал им вид стрельчатой арки (фот. 2). Есть примеры, когда самому окну с помощью наличников придавали заостренный вид, гармонично повторяющий решение навесного щита. С другой стороны, форма волнообразных наличников окна в большем масштабе повторяются в причудливых контурах навесных щитов (фот. 3). Во многих случаях беловежский фронтон, в противоположность срубам, не окрашен. В большинстве окрашенных вариантов декоративный щит того же цвета, что и остальная часть. В единичных случаях его красили в более светлые цвета окна или причелин.

Исследователи отмечают влияние на распространение художественной шалёвки «ропетовщины», русской разновидности модерна. Ее основатель Иван Павлович Ропет был оформителем русских павильонов на всемирных выставках 1878 и 1893 годов, иных международных выставках. Им проектировались здания, имеющие представительские функции: посольства, павильоны, народные дома, театры, загородные дачи. Избранная И.П.Ропетом, русская форма историзма, известная под названием «псевдорусский» и, даже, «петушиного» стиля, уверенно заявила о себе в русской архитектуре XIX века со времен А. М. Горностаева. Элементы этого стиля часто встречаются в русской эклектике конца XIX – начала XX века.

Одной из непосредственных причин распространения художественной шалёвки на Брестчине называют беженство [1, 117]. Однако в беженстве побывало абсолютное большинство крестьян Западной Беларуси и Западной Украины, а беловежские щиты концентрируются на ограниченной территории. Шалёвкой украшали свои дома богатые крестьяне [1, 119]. Однако считать его только классовым признаком также вряд ли возможно. Локализация декоративных щитов может говорить о связи местного населения с отхожим лесным промыслом (работой на лесопилках), влиянии убранства царской резиденции в Беловежской пушке и т.п.

Шалёвка изначально укоренилась под влиянием каменного зодчества [12, 25]. Описанные формы беловежских щитов перекликаются с декором дворянских имений, кованым и штампованным убранством карнизов, веранд, фронтонов различного типа публичных зданий конца XIX – начала XX веков. В финальной фазе развития в Прибужье художественной шалёвки описываемого типа имели место обратные примеры (д. Белево): поверх старых причелин и полотенец набивались жестяные с аналогичным узором.

Распространению художественной шалёвки способствовали социально-экономические преобразования. Под их влиянием становятся более доступными совершенные инструменты (сверла, долото, пилы-ножовки, рубанки, фуганки [7, с. 42; 1, с. 118]) и новые материалы (тонкая доска, фасадная краска и др.). Срубы домов оббивали шалёвкой, а четырехскатную соломенную крышу заменяли двухскатной.

Вероятно, декорирование верхней трети щита связано с функциональными изменениями конструкции крыши. Теоретически, выдвинутый дополнительный щит мог прикрывать вентиляционное отверстие. Традиционно на прохладных чердаках хранили одежду с целью уменьшить вред, наносимый молью, здесь же сушили травы и колбасу. Соломенно-камышовые крыши отвечали этой потребности. Крыша, накрытая жестью, черепицей, шифером, сильнее промерзает зимой и нагревается летом. Однако в известных нам случаях дополнительных вентиляционных отверстий, за исключением окон, нет. Скорее, дополнительный щит позволяет утеплить чердак и уменьшить негативное влияние дождя и ветра на верхнюю часть конструкции.

Польские исследователи сравнивают декор деревянных домов из Курпя и юго-запада Беловежской пушки, который возник в обоих регионах под влиянием одинаковых факторов, с богатством форм Польских Карпат – Подгалья. В Украинских Карпатах, где встречаются двойные щиты, которые здесь называют дымниками [10, с. 110], то есть дымоходами. В украинских исследованиях архитектуры полесского региона крыши подобного типа называют «четырёхскатной с дымником» [7, с. 154]. В белорусскоязычной литературе также встречается название «дах з дымнікам» [12, с. 26]. В польскоязычной [2, с. 68] и русскоязычной литературе [11, с. 128] она называется дымниковой крышей. Такое название появилось в связи с тем, что в курных хатах дым выходил из-под фасадной части крыши через треугольное отверстие под скатом. Уже в курных хатах в этом месте появляется щит с окном или отверстиями. Широкое распространение дымниковых крыш, даже после изменения конструкции и материала крыши мастера продолжали уделять большее внимание верхней трети фронтона. Уроженец д. Речица Брестского района Арсений Столярчук (1913 г.р.) выбрал вальмовую крышу, т.к. «хата не должны быть похожа на клуню», т.е. над домом не должна быть простейшая двухскатная крыша. Навесной щиток визуально позволяет обозначить место «дымника». На деревянном мещанском доме в Высоком (Каменецкий район) фронтон отделен от фасадной стены только слабо выраженным козырьком в верхней трети пространства между скатами крыши.

Только заимствованиями, трафаретами или модой нельзя объяснить все особенности декоративных щитов. Ряд исследователей считают, что традиционная архитектура тесно связана с представлением плотников о микрокосме,

т.е. о строении и украшении человеческого тела. Строительные термины, которыми обозначали отдельные элементы конструкции крыши, такие как очепа и причелок, красноречиво свидетельствуют об этой связи. Однако к 30-м годам XX века влияние традиционных ценностей ослабло. Под влиянием эмансипации большинство замужних женщин отказывается от чепцов, намиток и т.п.

Более вероятным источником эстетических образцов может служить декоративно-прикладное искусство: мережки скатертей, салфеток, занавесок и рушников. Нижний край рушника просматривается в форме наличников (фото 5, 8). Складки ниспадающей ткани напоминают закругленный или волнообразный край декоративного щита (фот. 2, 7). С рушником «для обрамления иконы» сравнивал его В. Трацевский [11, 133].

Искусно украшенные шалёвкой щиты деревянных домов Побужья были созданы в межвоенный период и в первые послевоенные десятилетия [1, с. 117]. Распространение этого приема в архитектуре приходится на годы мирового экономического кризиса и Вторую мировую войну. Местные жители отмечают, что создание сложного декора на щитах было довольно трудоемким, и современные хозяева не взяли бы его повторить. По мнению видного ученого-слависта Федора Даниловича Климчука, в Брестском и Пинском районах: "...процесс разрушения традиционной культуры начал здесь интенсивно происходить с начала 20-х годов XX в." [8, с. 263], а с 60-х годов этого столетия наблюдался ее кризис. То есть художественная шалёвка укоренялась в период активной трансформации региональной культуры. Узор шалёвки делался под шаблон [1, с. 118], но единообразие при этом не встречается. Е. Маськевич справедливо отмечает, что фронтоны прибужских деревянных домов, возведенных в середине XX в., очень индивидуальны [2, с. 69]. Распространение украшенных художественной шалевкой фасадов можно связывать с влиянием на традиционную архитектуру модерна. Это тем более оправдано, что в их декоре часто встречаются типичные для этого стиля растения и животные [1, с. 118], а также примеры эклектизма. На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в середине XX века в деревянной архитектуре Прибужья имели место эксперименты, уход от традиции и обогащение образцами элитарной культуры. Это привело к созданию локального декоративного стиля.

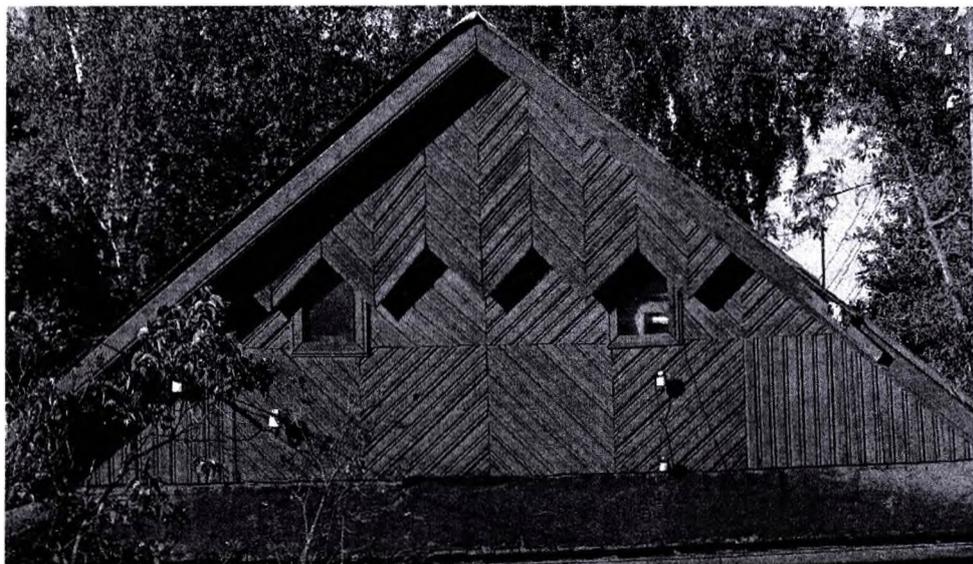

Фото 1 – д. Дубровка

Фото 2 – д. Пугачовка

Фото 3 – Предместье Киевка

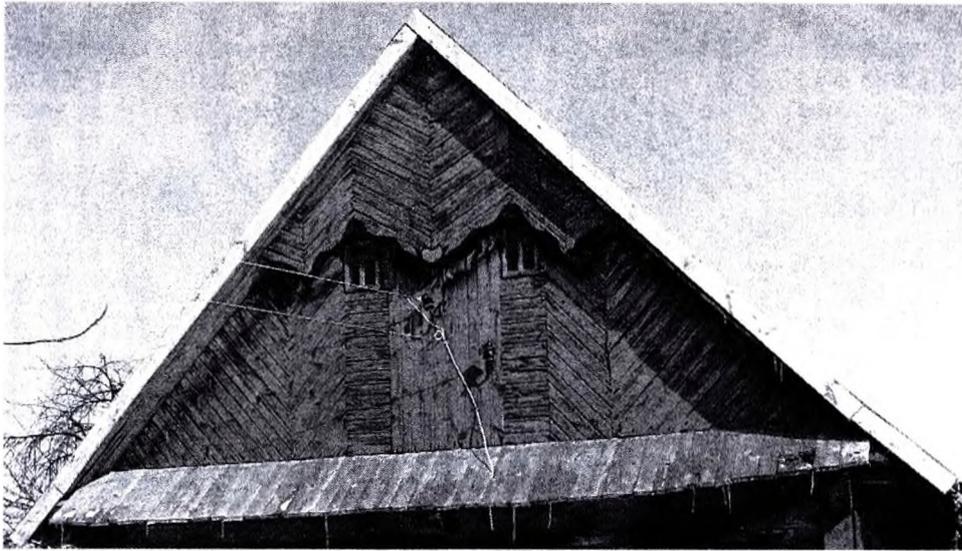

Фото 4 – д. Олешковичи

Фото 5 – д. Олешковичи

Фото 6 – д. Рогозно

Фото 7 – д. Белево

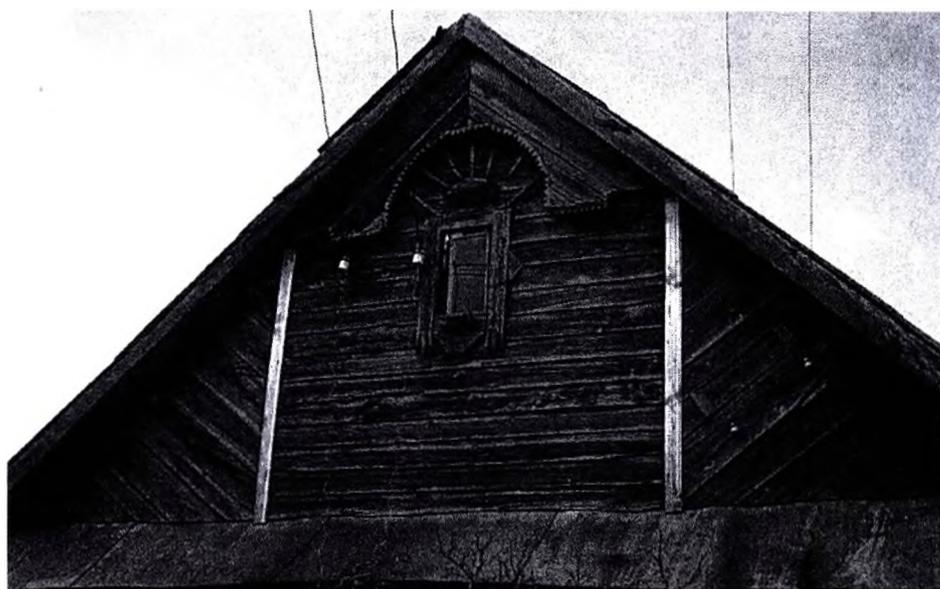

Фото 8 – д. Белево

Список цитированных источников

1. Gawł, A. Zdobnictwo architektoniczne w drewnianym budownictwie na terenie gminy Dubicze Cerkiewne // Dziedzictwo kulturowe regionu Białowieżskiej – wybrane zagadnienia. – Białowieża-Kamieniuki, 2003. – S. 114-122.
2. Mańkiewicz, J. Drewniana architektura północnej części Euroregionu Bug / J. Mańkiewicz, A. Baszkow – Biała-Podlaska: BSRR, 2006. – 96 s.
3. Lapińska, H. Przykłady dziedzictwa kulturowego wybranych polsko-białoruskich gmin regionu Puszczy Białowieskiej – potrzeba ich ochrony i zachowania//Dziedzictwo kulturowe regionu Białowieżskiej – wybrane zagadnienia. – Białowieża-Kamieniuki, 2003. – S. 113.
4. Szewczyk, J. Ludowe zdobnictwo podlaskich domów. – Białystok: Politechnika Białostocka, 2008. – 318 s.
5. Беларускае народнае жылле – Мн.: Навука і техника, 1973. – 128 с.
6. Власюк, Н.Н. Деревянное зодчество приграничных регионов Западного Полесья // Архитектурное наследие Прибужского региона. сохранение и культурно-туристское использование. – Брест: БрГТУ, 2010. – С. 6-16.
7. Данилюк, А.Г. Традиційна архітектура регіонів України: Полісся. – Львів: Видавничий центра ЛНУ ім. І. Франка, 2001. – 161 с.
8. Климчук, Ф.Д. Традиционная свадьба полесского села Симоновичи // Полесский этно-лингвистический словарь. – М.: Наука, 1983. – 262-280 с.
9. Лащук, Ю.Ф. Декор народного жилища / Ю.Ф. Лащук, Е.М. Сахута // Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья. – Мн.: Наука и техника, 1987. – С. 280-287.
10. Самойлович, В.П. Народна архітектура України в ілюстраціях. – К.: Абрис, 1999. – 281 с.
11. Трацевский, В.В. История архитектуры народного жилища Белоруссии – Мн.: Выш. Шк., 1989. – 191 с.
12. Якімовіч, Ю.А. Драўлянае дойдліства Беларускага Полесья. – Мн.: Навука і техника, 1978. – 152 с.

Musiuk Adam

KONSERWATORSKIE UWARUNKOWANIA REWALORYZACJI I REKONSTRUKCJI KOMPLEKSU OBIEKTÓW KLASZTORU MĘSKIEGO ZWIASTOWANIA NMP W SUPRAŚLU NA PRZESTRZENI WIEKÓW W KONTEKŚCIE KONIECZNOŚCI NADANIA MU NOWEGO PROGRAMU KULTURALNO-TURYSTYCZNEGO*

1. Wstęp

Ostatnie kilka lat, to w Polsce czas zintensyfikowania prac konserwatorskich przy zabytkach. Szczególnie dotyczy to tak zwanej „ściany wschodniej”, a więc terenów przyległych do granicy z Białorusią i Ukrainą, gdzie szczególnie duże środki finansowe trafiły na ten cel. Gro tych środków pochodzi z dotacji Unii Europejskiej i z jednej strony jest bardzo dużym zastrzykiem finansowym przy kosztochłonnych pracach konserwatorskich, z drugiej jednak strony wymaga spełnienia przez inwestora wielu wymagań, nie zawsze pozostających w zgodzie z zabytkiem. Szczególnie drażliwy staje się ten problem, gdy dochodzi do zmiany pierwotnej funkcji obiektów, szczególnie gdy przeznaczamy je na cele turystyczne i kulturalne. W konsekwencji pociąga to za sobą konieczność dokonania szeregu zmian w zabytkach, co z jednej strony je uatrakcyjnia, ale z drugiej nie zawsze w pełni zachowuje historyczny ich charakter.

Doskonałym przykładem do analizy takiego stanu są zabytkowe obiekty znajdującego się na Podlasiu Klasztoru Męskiego Zwiastowania NMP w Supraślu, na których już prawie od trzydziestu lat^{2,3,4} trwają współczesne prace konserwatorskie. Szczególne przyspieszenie prac w słynnej Supraskiej Ławrze widoczne jest jednak w kilku ostatnich latach, a to głównie dzięki pozyskaniu przez klasztor środków finansowych z Ministerstwa Kultury i Dziedzictwa Narodowego RP, z Podlaskiego Urzędu Wojewódzkiego oraz z Urzędu Marszałkowskiego Województwa Podlaskiego, przy czym te dwie ostatnie inwestycje realizują programy Regionalnego Programu Operacyjnego i Narodowej Strategii Spójności Unii Europejskiej. Zarówno ta intensyfikacja prac, jak i wymagania stawiane przez podmioty wspierające prace konserwatorskie wpływają na ostateczny obraz, który obecnie przyjmuje cały zespół monasterski.

W niniejszej pracy zostaną przedstawione zmiany dokonane w Supraskiej Ławrze na przestrzeni wieków, od początków jej istnienia, co będzie tłem do oceny obecnych zmian i wskazania ich tendencji.

2. Początki monasteru i jego pierwotna forma

Historia supraskiej monasteru rozpoczyna się w 1498 roku w leżącym na zachodnich krańcach Wielkiego Księstwa Litewskiego, tuż obok granicy z Koroną, Gródku, kiedy to marszałek Wielkiego Księstwa Litewskiego i wojewoda nowogródzki Aleksander Chodkiewicz funduje prawosławny klasztor z drewnianą cerkwią pod wezwaniem św. Jana Teologa oraz sprowadza pierwszych mnichów⁵. Najbardziej prawdopodobnym jest przybycie do Gródka mnichów z Kijowsko-Pieczerskiej Ławry^{6,7}, jednak pojawiają się także teorie o pochodzeniu mnichów ze świętej góry Athos⁸, bądź nawet z Moskwy⁹, spotykamy się też z głosami, iż mnisi stale i od początku przebywali na dworze Chodkiewicza, a byli to mnisi, którzy razem z nim wrócili z tatarskiej niewoli¹⁰. Pewnym jest jednak, że w szybkim czasie od założenia monasteru zdecy-

* niniejsza praca jest efektem badań realizowanych na Wydziale Architektury Politechniki Białostockiej w ramach prac własnych W/WA/2/2010

² Metropolita Sawa (Hrycuniak), Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach Prawosławia: tytułem wprowadzenia, [w:] Z dziejów Supraskiego Monasteru, Supraśl-Białystok 2005., s. 14.

³ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I

⁴ Makal W., Przed odrodzeniem supraskiego monasteru, Supraśl 2003, s. 19.

⁵ Kronika Ławry Supraskiej, Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 1-2.

⁶ Ibidem.

⁷ Jodkovskij J., Cerkow pricosoblennija k oboronie w Litve i Litovskoj Rusi, [w:] Drewnosti. Trudy komissii po sochraneniju drewnich pamjatnikow sostojaszczej pri Imperatorskom Moskowskom Archeologiczekom Obszczestve, t. VI, Moskwa 1915, s. 254.

⁸ Łozowska M., Fundacja klasztoru supraskiego w pierwszej połowie XVI wieku. Próba interpretacji dokumentów uposażeniowych, [w:] Małe miasta. Historia i współczesność, Supraśl 2001, s. 43-54.

⁹ Cereteli E., Jelena Ioannowna Welikaja Knjaginja Litowskaja, Russkaja, Korolewa Polskaja. Biograficzekij oczerk w cwjazi c istoriej tego wremeni, Sankt Peterburg 1898, s. 303.

¹⁰ Hajduk M., Sanktuarium nad Supraślą. Dzieje monasteru, drukarni, biblioteki, [w:] Slavia orientalis, nr 3-4, 1989, s. 511-536